

Научная статья

УДК 327.88

<https://doi.org/10.24158/pep.2022.1.2>

«Стратегия национальной безопасности России» 2021 года – сравнительный анализ реальных и декларируемых геополитических угроз

Илья Леонидович Морозов

Волгоградский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия, politkon@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Аннотация. 2 июля 2021 года Указом Президента РФ была утверждена новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации», в которой изложен официальный взгляд руководства страны на потенциальные угрозы системе национальной безопасности России. В статье на основе геополитического подхода проводится сравнительный анализ декларированных в Стратегии угроз и реальной внешнеполитической обстановки, сформировавшейся вокруг России в 2021 году. Официально Москва главную опасность по-прежнему видит в активности Организации стран Североатлантического договора (НАТО), которая наращивает свое военное присутствие в Европе и усиливает информационно-идеологическое давление на Россию. Между тем на южном направлении отмечаются такие угрозы, как широкомасштабное демографическое давление на Россию со стороны государств Центральной Азии, формирование теократического политического режима в Афганистане, турецко-азербайджанский военно-политический альянс. Потенциальные геополитические угрозы сохраняются и в Юго-Восточной Азии: неурегулированный территориальный конфликт вокруг островов Курильской гряды, растущая зависимость экономики Китая от внешних поставок энергоресурсов, что при неблагоприятном развитии событий может привлечь внимание руководства КНР к российским территориям Восточной Сибири.

Ключевые слова: геополитика, безопасность, угроза, война, конфликт, территория

Для цитирования: Морозов И.Л. «Стратегия национальной безопасности России» 2021 года – сравнительный анализ реальных и декларируемых геополитических угроз // Общество: политика, экономика, право. 2022. № 1. С. 17–21. <https://doi.org/10.24158/pep.2022.1.2>.

Original article

National security strategy of Russia in 2021 – comparative analysis of real and declared geopolitical threats

Ilya L. Morozov

Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia, politkon@mail.ru, <http://orcid.org/0000-0001-8241-5880>

Abstract. On July 2, 2021, a new “National Security Strategy of the Russian Federation” was approved by the decree of the President of the Russian Federation, which sets out the official view of the country's leadership on potential threats to the national security system of Russia. Based on the geopolitical approach, the article provides a comparative analysis of the threats declared in the Strategy and the real foreign policy situation that has formed around Russia in 2021. Moscow still officially sees the main threat in the activity of the North Atlantic Treaty Organization (NATO), which is building up its military presence in Europe and increasing information and ideological pressure on Russia. Meanwhile, in the southern direction, such threats as large-scale demographic pressure on Russia from the Central Asian states, the formation of a theocratic political regime in Afghanistan, and the Turkish-Azerbaijani military-political alliance are being formed. Potential geopolitical threats persist in Southeast Asia as well, such as the unresolved territorial conflict over the Kuril Islands, the growing dependence of the Chinese economy on external energy supplies, which, in case of unfavorable developments, could draw the attention of the PRC leadership to the Russian territories of Eastern Siberia.

Keywords: geopolitics, security, threat, war, conflict, territory

For citation: Morozov, I.L. (2022) National security strategy of Russia in 2021 – comparative analysis of real and declared geopolitical threats. *Society: Politics, Economics, Law.* (1), 17–21. Available from: [doi:10.24158/pep.2022.1.2](https://doi.org/10.24158/pep.2022.1.2) (In Russian).

2 июля 2021 года Указом Президента РФ № была принята новая «Стратегия национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия), сменившая аналогичный документ

2015 года и принятая с учетом выводов из событий российско-украинского конфликта¹. Стратегия 2015 года обозначила в восприятии российского политического руководства главную внутреннюю угрозу – технологии дестабилизации гибридных (авторитарно-демократических) политических режимов, совокупно именуемые «цветной революцией», и главную внешнюю угрозу – военные приготовления стран – участниц Североатлантического договора (НАТО)².

Документ 2021 года призван скорректировать официально декларируемые взгляды российского руководства на изменяющуюся конфигурацию угроз национальной безопасности страны. В фокусе анализа данной статьи находятся только геополитические угрозы (внешнего и внутреннего генезиса), нашедшие отражение в рассматриваемом документе применительно к их проекции на геополитическую ситуацию, сложившуюся вокруг России в текущий период.

Основным методологическим принципом геополитического подхода к анализу политических процессов является пространственно-территориальный императив, исходящий из того, что даже в XXI веке основные межгосударственные конфликты по-прежнему возникают вокруг контроля той или иной физической среды, преимущественно земной поверхности (суша или водный бассейн). Соответственно, если согласно российской нормативной правовой базе угрозой национальной безопасности является «совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации»³, то геополитическую угрозу можно определить как совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность нарушения территориальной целостности России. Термин «геополитика» в различных вариациях встречается в Стратегии 2021 года пять раз, термин «территория» (чаще всего прямо или косвенно подразумевается территориальная целостность) – 33 раза, что позволяет констатировать повышенное внимание российского руководства к вопросу сохранения государственного суверенитета над территорией страны.

Приведенные в Стратегии геополитические угрозы национальной безопасности можно классифицировать как внутренние и внешние. Под первыми из названных подразумевается сепаратизм в различных его проявлениях (которые в документе не раскрываются подробно), под вторым – военная экспансия на территорию России с наиболее вероятных географических направлений. Последний аспект раскрыт в документе подробно и многогранно. Описывая тенденции эволюции современной международной системы, авторы Стратегии исходят из предположения, что геополитическая напряженность (и как следствие – вероятность применения военной силы) будет нарастать, а ее основной причиной является «стремление стран Запада сохранить свою гегемонию»⁴. Указывая на общую негативную роль НАТО и конкретно США, авторы Стратегии по политическим, очевидно, соображениям, становятся предельно неконкретны, когда дело доходит до описания деструктивных действий со стороны акторов, расположенных у российских границ. Относительно таковых упоминаются:

- «недружественные страны», которые пытаются расколоть единство российского народа, воспользовавшись сложной социально-экономической обстановкой в России;
- «некоторые страны», которые стремятся инспирировать дезинтеграционные процессы в СНГ;
- «ряд государств», которые в своих официальных документах указывают Россию как военного противника.

Подобный язык обобщений, позволяющий читателю включить в каждую из приведенных категорий любые государства, в зависимости от своей осведомленности или фантазии, резко контрастирует со стилем аналогичных американских стратегий. Например, в выпущенном Белым Домом в марте 2021 года «Промежуточном руководстве по стратегии национальной безопасности»⁵ в качестве основных оппонентов США прямо перечислен ряд стран: Россия, Китай, Северная Корея, Иран – с пояснениями, чем эти государства «неудобны» Вашингтону и какие конкретно геополитические цели ставит для себя США в каждом регионе планеты. В российской же Стратегии ни разу не упомянута ни Украина (Харыбин, 2019), «Военная доктрина» которой прямо

¹ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2015 года [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (дата обращения: 21.10.2021).

² Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента Российской Федерации от 31 декабря 2015 г. [Электронный ресурс] // Президент России. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/40391> (дата обращения: 21.10.2021).

³ Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Утверждена Указом Президента РФ от 2 июля 2015 года ...

⁴ Там же.

⁵ Interim National Security Strategic Guidance [Электронный ресурс] // The White House (USA). URL: <https://www.whitehouse.gov/wp-content/uploads/2021/03/NSC-1v2.pdf> (дата обращения: 15.10.2021).

предписывает готовиться к войсковым операциям против России; ни Грузия, являющаяся одной из немногих стран, принципиально разорвавших с Россией дипломатические отношения. Не упоминается и Япония, имеющая к России столь жесткие территориальные претензии, что до сих пор не идет на подписание мирного договора по итогам Второй мировой войны.

Обращает на себя внимание и факт сознательного, скорее всего, игнорирования авторами Стратегии подробного разбора геополитических угроз, исходящих для России с южного и восточного направлений. Уже очевидным фактом стал стремительный рост притязаний Турции в качестве нового геостратегического центра, проецирующего свое влияние не только в региональном, но и отчасти в мировом масштабе. В этой связи характерно заявление президента Турции Р. Эрдогана о необходимости пересмотра конфигурации пула лидеров глобального управления, сложившихся по итогам Второй мировой войны: «мир больше пяти»¹. В отношении России политика Анкары в последнее десятилетие весьма похожа на попытку определить границы дозволенного, и Москва каждый раз уступает, хотя и с оговорками, позволяющими формально «сохранить лицо». Примерами подобной турецкой политики можно считать:

- уничтожение турецкими ВВС российского штурмовика СУ-24 в Сирии в 2015 году и фактическая оккупация части территории Сирийской Арабской Республики вопреки воле её законного руководства;

- поддержка азербайджанской армии в боевых действиях в Нагорном Карабахе в 2020 году (в этом конфликте над территорией Армении Россия потеряла уничтоженным вертолет МИ-24, формально ответственность за это взял на себя союзник Турции Азербайджан²), что привело к нарушению военно-политического статус-кво в Закавказье – крайне важного для России региона в системе обеспечения безопасности;

- заявление турецкого руководства о непризнании легитимности проведения выборов в Государственную Думу России в Крыму и в Севастополе – двух субъектах Российской Федерации;

- продажа Украине производимого Турцией оружия (ударный беспилотный летательный аппарат «Bayraktar TB2», эффективно зарекомендовавший себя во время армяно-азербайджанского военного противостояния и потенциально способный дать дополнительные преимущества вооруженным силам Украины в конфликте с самопровозглашенными Донецкой и Луганской народными республиками);

- декларация строительства нового судоходного канала, соединяющего Черное и Средиземное море в обход положений конвенции Монтрё от 1936 года, что потенциально открывает проход в Черное море иностранным военным кораблям без прежних ограничений (Баранов, 2021). Учитывая тенденцию развития военно-морских вооружений, направленную на увеличение дистанции ведения огня и поражение кораблей противника без тактического сближения с ними³, можно предположить, что основной целью проникновения в акваторию Черного моря кораблей потенциального противника станет не стремление вступить в противоборство с российским Черноморским флотом, а проведение десантных операций на российский побережье, то есть экспансия.

Не следует забывать, что исторически Черноморский регион являлся ареной многовекового военного противостояния между Турцией и Россией и было бы преждевременно считать, что в начале XXI века исторические законы геополитики утратили актуальность. Но Россия в отношении Турции сейчас реагирует именно так, словно потенциальной угрозы не существует или она в понимании Москвы незначительна в своем масштабе. Характерна осторожность и дипломатичность, с которой Президент России В.В. Путин на Валдайском форуме в октябре 2021 года отвечал на вопросы о неоднозначных заявлениях Р. Эрдогана⁴. Кроме того, в армяно-азербайджанском военном конфликте вокруг Нагорного Карабаха Россия заняла по факту нейтральную позицию, не оказав военной помощи Еревану, формально являющемуся ее союзником по Организации договора о коллективной безопасности (ОДКБ). Впрочем, политологи давно ставили под вопрос реальную эффективность этой организации в кризисный период. Например, А.А. Кривопапов обращает внимание на то, что «идеологическая основа объединения, подобная существующей между странами НАТО, у членов ОДКБ, по сути, отсутствует... Государства – члены ОДКБ зачастую имеют

¹ Эрдоган раскритиковал «горстку» победителей во Второй мировой войне [Электронный ресурс] // РИА «Новости». URL: <https://ria.ru/20211019/mir-1755132036.html?in=t> (дата обращения: 01.11.2021).

² Statement of the Ministry of Foreign Affairs of the Republic of Azerbaijan № 405/20 [Электронный ресурс] // Republic of Azerbaijan Ministry of Foreign Affairs. URL: <https://mfa.gov.az/en/news/no40520-statement-of-the-ministry-of-foreign-affairs-of-the-republic-of-azerbaijan-enru> (дата обращения: 30.10.2021).

³ Osborn K. Spread Out and Networked: How the Navy Plans to Fight and Win Future Wars [Электронный ресурс] // The National Interest. URL: <https://nationalinterest.org/blog/reboot/spread-out-and-networked-how-navy-plans-fight-and-win-future-wars-183803> (дата обращения: 30.10.2021).

⁴ Путин на пленарном заседании клуба «Валдай» [Электронный ресурс] // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-TwGHCd5t8Y> (дата обращения: 01.11.2021).

расходящиеся внешнеполитические интересы. В процессе взаимодействия с Москвой они ревниво оберегают свой суверенитет» (Кривопапов, 2021: 131). В данном случае Россия нашла обоснование своей позиции в том, что территория Нагорно-Карабахской области не является территорией Армении, поэтому собственно на союзника нападение не совершено. Не повлиял на позицию Москвы и тот факт, что азербайджанские войска сбили российский военный вертолёт над территорией Армении, двое из трех членов экипажа которого погибли.

Российское политическое руководство значительно ограничило себе возможность маневра на международной арене, строго придерживаясь геополитического императива «Враги на Западе, а друзья на Востоке». Действительно, ещё пять лет назад опора на страны Центральной Азии, Турцию, Китай как противовес Западу и своеобразный геостратегический тыл России (Бельских, 2020) казалась оправданной и вполне работоспособной. Однако в 2021 году ситуация качественно изменилась. После поражения Армении в военном конфликте с Азербайджаном из-за Нагорного Карабаха уже не скрывается факт турецко-азербайджанского военного союза, растущие геополитические претензии Турции (неоосманизм). Формирование в Афганистане теократического режима талибов, несмотря на формальные заявления их представителей о невмешательстве во внутренние дела соседних государств, самим фактом своего существования может стимулировать активность религиозных экстремистских движений в странах Центральной Азии (Абрамов, 2021). Китай, последовательно расширяя влияние на мировую экономику, менее всего заинтересован ввязываться в качестве союзника Москвы в сформировавшиеся вокруг России геополитические конфликты, что показал осторожный подход Поднебесной к крымской проблеме. При этом нельзя исключать потенциальную заинтересованность Китая в ресурсах Восточной Сибири, которая при неблагоприятных условиях, например, в случае ослабления федеральной власти в России из-за обострения социально-политических конфликтов, может стать предметом уже не экономического, а геостратегического интереса. Особым фактором является демографический прирост населения центральноазиатских республик на фоне неблагоприятных экономических тенденций, что неизбежно ведёт к усилению миграционных потоков на российские земли.

Резюмируя сказанное, можно сформулировать следующий вывод. Геостратегическая картина мира, изложенная в российской «Стратегии национальной безопасности» 2021 года, является упрощённой и уже сейчас устаревающей на фоне темпов мирового политического процесса. Вокруг России в настоящий момент сложился пояс реальных и потенциальных геополитических угроз, реагировать на которые по шаблонной схеме «Запад – враг, а Восток – друг» становится всё менее эффективно. Геостратегическое окружение России (под данным термином подразумевается система акторов международного процесса, имеющих выход на границы России либо через прямое соприкосновение государственных территорий, либо через участие в военно-политических альянсах, потенциально позволяющих проецировать на Россию военно-политическое давление через размещение военных баз, поддержку недружественных России граничащих с ней государств) характеризуется как уже сформировавшимися, так и потенциальными угрозами по всему периметру границы, часть из которых не отражена и не проанализирована в рассматриваемом документе.

Одним из вариантов альтернативной геостратегической модели России могло бы стать обращение к голлистской модели «обороны по всем азимутам» (Трико, 1997), основанной не на противостоянии, а на лавировании между сложившимися мировыми центрами силы, избегании открытого столкновения с ними, но не ценой уступок своих важнейших национальных интересов. Разумеется, подобная модель, учитывающая не только реальные, но и потенциальные угрозы, требует более диверсифицированных направлений финансирования, чем существующий подход «Враги на Западе, друзья на Востоке». Но, учитывая запланированные на 2022 год государственные расходы (при профицитном бюджете затраты на национальную оборону – 3,51 трлн рублей, на национальную безопасность – 2,799 трлн рублей) [5], не исключено, что искомую цель можно обеспечить в рамках оптимизации статей расходов, а не привлечения дополнительных ресурсов.

Список источников:

- Абрамов А.Э. Исламизм в контексте межцивилизационного взаимодействия // Общество: политика, экономика, право. 2021. № 7 (96). С. 22–26. <https://doi.org/10.24158/pep.2021.7.3>
- Баранов А.В. Геополитические риски строительства канала «Стамбул» для российского влияния в Черноморском регионе // Проблемы национальной безопасности России: уроки истории и вызовы современности : сборник статей Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Краснодар, 2021. С. 45–52.
- Бельских И.Е. Экономика большой Евразии: у истоков нового биполярного мира? // Большая Евразия: Развитие, безопасность, сотрудничество : материалы Третьей международной научно-практической конференции в рамках общественно-научного форума «Здравствуй, Россия!». М., 2020. С. 29–31.
- Кривопапов А.А. ОДКБ на исходе второго десятилетия своей истории // Мировая экономика и международные отношения. 2021. Т. 65, № 7. С. 126–135. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134>

Трико Б. Оборона: принципы голлизма и новые данные // Российский военный сборник. Выпуск 14. За профессиональную армию. Идеи Шарля де Голля и их развитие в XX веке. М., 1997. С. 223–234.

Харыбин А.Н. Особенности приграничного геополитического противостояния России и Украины // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 11 (76). С. 64–68. <https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.10>

References:

Abramov, A. E. (2021) Islamism in the Context of Intercivilizational Interaction. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. (7 (96)), 22–26. Available from: <https://doi.org/10.24158/pep.2021.7.3> (in Russian).

Baranov, A. V. (2021) Geopolitical Risks of the Istanbul Canal Construction for Russian Influence in the Black Sea Region. In: *Problemy natsional'noi bezopasnosti Rossii: uroki istorii i vyzovy sovremennosti* : sbornik statei Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem. Krasnodar, pp. 45–52 (in Russian).

Bel'skikh, I. E. (2020) Ekonomika bol'shoi Evrazii: u istokov novogo bipolyarnogo mira? [The Economy of Greater Eurasia: at the Origins of a New Bipolar World?]. *Bol'shaya Evraziya: Razvitie, bezopasnost', sotrudnichestvo* : materialy Tret'ei mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii v ramkakh Obshchestvenno-nauchnogo foruma «Zdravstvui, Rossiya!». Moscow, pp. 29–31 (in Russian).

Kharybin, A. N. (2019) Special Features of the Border Geopolitical Standoff of Russia and Ukraine. *Obshchestvo: politika, ekonomika, pravo*. (11 (76)), 64–68. Available from: <https://doi.org/10.24158/pep.2019.11.10> (in Russian).

Krivopalov A. A. (2021) CSTO: at the Close of the Second Decade of Its History. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya*. 65 (7), 126–135. Available from: <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2021-65-7-126-134> (in Russian).

Triko, B. (1997) Оборона: принципы голлизма и новые данные [Defense: Principles of Gaulism and New Data]. In: *Rossiiskii voennyi sbornik*. Vypusk 14. Za professional'nuyu armiyu. Idei Sharlya de Gollya i ikh razvitie v KhKh veke. Moscow, pp. 223–234 (in Russian).

Информация об авторе

И.Л. Морозов – доктор политических наук, доцент, профессор кафедры государственного управления и менеджмента Волгоградского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Волгоград, Россия.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644786.

Information about the author

I.L. Morozov – D.Phil. in Political Science, Assistant Professor, Professor, Volgograd Institute of Management, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Volgograd, Russia.

https://www.elibrary.ru/author_items.asp?authorid=644786.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 02.11.2021;
Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 19.11.2021;
Принята к публикации / Accepted for publication 20.01.2022.